

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЩИТЫ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СЛОВАЦКОМ УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ¹

IT SUPPORT AND OPPORTUNITIES OF PROTECTION OF FUNDAMENTAL HUMAN RIGHTS IN SLOVAK CRIMINAL PROCEEDING

JUDr. Marcela Tittlová, PhD,
Ústav verejného práva FP PEVŠ

Доказательства серьёзных преступлений в условиях современного общества, интегрированной Европы и глобализованного мира не могут обойтись без использования современных и наступательных по характеру средств, которые применяются секретным способом. Эти средства секретного наблюдения являются типичными для полицейских государств, а не для государств правовых и демократических. Законы государств, которые позволяют пользоваться такими инструментами секретным способом против отдельных лиц, в то же время должны создать достаточные гарантии защиты затронутых прав в контексте европейских и международных стандартов и в контексте требований, которые ставит им по прецедентному праву ЕСПЧ.

Ключевые слова: информационно-технические средства, уголовное дело, защита основных прав человека, гарантии основных прав человека.

Докази серйозних злочинів в умовах сучасного суспільства, інтегрованої Європи і глобалізованого світу не можуть обійтися без використання сучасних і наступальних за характером засобів, які застосовуються у секретний спосіб. Ці засоби секретного спостереження є типовими для поліцейських держав, а не для держав правових і демократичних. Закони держав, які дають змогу користуватися такими інструментами у секретний спосіб проти окремих осіб, водночас мають створити достатні гарантії захисту порушених прав у контексті європейських та міжнародних стандартів і в контексті вимог, які ставить їм за прецедентним правом ЄСПЛ.

Ключові слова: інформаційно-технічні засоби, кримінальна справа, захист основних прав людини, гарантії основних прав людини.

Evidence of serious crimes in the conditions of modern society, integrated Europe and the globalized world can not do without the use of modern and inappropriate, by nature, means that are used in a secret way. These means of secret surveillance are typical for police states, and not for states legal and democratic. The laws of states that allow such instruments to be used in a secret way against individuals, at the same time, must create sufficient guarantees for the protection of affected rights in the context of European and international standards and in the context of the requirements set by the ECtHR case-law.

Key words: information technology means, criminal case, protection of basic human rights, guarantees of basic human rights.

Постановка проблемы. Постепенно развивающемся обществу, его модернизации, процессу глобализации, с точки зрения интегрированной Европы, ничем не уступает в развитии преступность и особенно её тяжелые формы. Методы совершения тяжёлых экономических преступлений пополняются более современными элементами. Реакция государства на модернизацию форм и методов совершения преступлений обязательно ведёт к использованию современных средств и инструментов для обнаружения, выявления виновных и их идентификации. Оказалось, что оригинальные классические методологии расследования и типичные варианты доказательства, используемые в них, являются малоэффективными в борьбе с серьёзными видами преступлений. Для этих целей, то есть ради обнаружения и доказательства необходимо использовать современные, сильно ограничивающие концепцию прав человека доказательства. С одной стороны, речь идёт о современных, но, с другой, очень интенсивных средствах, которые вмешиваются в область основных прав человека и

свобод заинтересованных лиц, так как это гарантировано не только конституциями государств, но и на европейском и даже международном уровне. Однако обнаружение и доказательство серьёзного преступления в другом направлении не ведёт. Конфликт возникает между требованием защиты прав человека и их сохранения с требованием об эффективности и действенности борьбы с серьёзными преступлениями. Некоторые виды преступлений совершаются таким образом, что выявление и доказательство их исполнения невозможно никаким другим путём. Однозначно, интерес к последовательной и всесторонней защите прав человека должен в определённой степени отступать на задний план, по сравнению с интересами государства в области защиты прав человека, от преступной деятельности, в том числе и его наиболее серьёзных форм. В противном случае, защитная функция, как основная функция уголовного права, явилась бы лишь пустой идеей. Таким образом, по нашему мнению, нужно отказаться от строгой и всеобъемлющей защиты основных прав человека и настаивать на возможности государства вмешиваться в них на условиях, которые определяет уголовное законодательство с целью последователь-

¹ This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under the contract No. APVV-15-0272

ной защиты общества, его членов, основных прав человека.

Как мы уже говорили, этот путь ведёт в направлении, связанном с использованием современных средств, которые проводятся, как правило, секретно и позволяют получить относительно объективные и надежные показания для уголовного судопроизводства. В такие институты, без сомнения, можно включать информационно-технические средства в процессуальной плоскости их использования. Кроме прочего, сюда же можно отнести также средства оперативно-розыскных мероприятий, которые носят аналогичный характер. Для обеих групп средств является типичным то, что их преимуществами можно воспользоваться, с точки зрения процесса, опираясь на положения уголовного права (Закон № 301V/2005 с позже внесенными поправками, далее – УП или «уголовное право»).

Информационно-технические средства в уголовном судопроизводстве лежат в процедурной плоскости их использования, представляют институты перестрахования, но также у них характер доказательств. Как институты перестрахования они направлены на обеспечение информацией, что имеет важное значение в рамках уголовного судопроизводства. То, что они так или иначе важны для уголовного преследования, означает, что их результаты могут быть использованы в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, в том числе законность использования этих средств также находит своё отражение и в законности накопленных доказательств. Следует отметить, что информационно-технические средства сами по себе не носят характер доказательств, но им характерно понятие средств доказывания. Информация, полученная с их помощью, сразу носит характер доказательств в уголовном процессе. Поэтому нельзя согласиться с формулировкой законодателя, которая содержится в положениях ст. 119 (2), втором предложении части УП, что средствами доказывания являются прежде всего допрос обвиняемых, свидетелей, экспертов, экспертизы и экспертные заключения, проверка показаний на месте, рекогносциция, реконструкция, следственный эксперимент, осмотр, дела и документы, имеющие значение для уголовного дела, заявление, информация, полученные благодаря использованию информационно-технических средств. Здесь законодатель неправильно различает доказательства прямого знания и средства доказывания конкретного процессуального действия, при помощи которого получают в установленном законом порядке доказательства [1, с. 496].

Тот факт, что информационно-технические средства имеют характер перестраховочных институтов по отношению к вещам и информации, демонстрируется также их систематическим включением в положения Уголовного кодекса, который дифференцирует их на части, в зависимости от того, имеются в виду институты, которые уполномочены осуществлять задержание лиц и вещей (главным образом, вещей), или институты призваны к обеспечению информации в уголовном судопроизводстве.

К обеспечению вещей, важных для уголовного судопроизводства, относится главным образом задержание, открытие и просмотр содержимого отгрузки (§ 106 ТП), что на самом деле является только какой-то промежуточной ступенью, которая позволяет проверять содержимое отгрузки, а на основе того, что или какие конкретные элементы отгрузка содержит, можно использовать любой из других существующих институтов, которые, однако, имеют характер средств оперативно-розыскной деятельности.

К информационно-технологическим средствам обеспечения безопасности информации, имеющим значение для уголовного дела, принадлежат, прежде всего, изготовление видео, аудио и аудио-визуальных записей (§ 114 ТП), прослушивание и запись телекоммуникационных операций (§ 115 ТП) и передачи данных телекоммуникационных операций (§ 116 ТП).

Определение информационно-технических средств включает в себя положения Уголовного процессуального кодекса. Именно в положениях § 10 абз. 21 ТП приводится, что информационно-техническими средствами считаются *«электротехнические, радиотехнические, фототехнические, оптические, механические, химические или другие технические средства и оборудования или их файлы, используемые в секретном порядке»* при:

- подслушивании и записи телекоммуникационных операций в электронных коммуникационных сетях;
- изготовления видео, аудио и аудио-визуальной записи;
- поиска, открытия и просмотра содержимой отгрузки.

В то же время согласно условиям, их использование объединяет вмешательство основных прав и свобод человека заинтересованных лиц. Для использования этих средств, по смыслу приведённого положения, поставщики электронных коммуникационных услуг, в том числе и почтовая компания, все виды экспедиторов и транспортных организаций обязаны предоставить необходимое взаимодействие. У них нет возможности апеллировать к обязанности хранить профессиональную тайну и к тому, что такую информацию создает содержание охраняемых законом тайн. Это определение для целей уголовного дела является обязательным, как это следует из этого положения («для целей настоящего Закона»), поскольку это юридическое определение. На основе этого можно умозаключить, что часто одни виды деятельности (подслушивание, запись, изготовление записей, поиск, открытие и просмотр содержимой отгрузки) считают информационно-техническими средствами, в сущности это касается конкретных видов деятельности, которые реализованы с помощью этих специфических средств. Специфические средства и оборудования, которые используются для этих целей, носят характер информационной технологии, которая по своей конструкции, определению и направлению позволяет произвести такие

записи. Эти средства, оборудование и системы, которые непосредственно предназначены для записи и захвата информации, с этой целью они структурно адаптированы. Конкретное действие означает подслушивание, запись, изготовление записей, поиск, открытие и просмотр содержимой отгрузки – это конкретные действия, но не простые информационно-технические средства.

Прямо упомянутое положение определяет способ использования этих средств. Они используются секретным способом – так, чтобы об их использовании заинтересованные лица не знали. Это фундамент, к которому относится суть этих средств, и одновременно это то, из-за чего названные существенные доказательства имеют такое важное значение для целей уголовного судопроизводства. Лица, которых касаются указанные средства, не осознают тот факт, что они используются. Если бы они знали, что их связь и другие виды деятельности регистрируются или перехвачены, если бы они знали, что их отгрузки контролируются, вероятно, они бы ограничили их деятельность, контакты приостановили так, чтобы не реализовалась любая незаконная деятельность или укрепили бы сопроводительную историю такой деятельности и контактов. Знание заинтересованных лиц об использовании информационно-технических средств против них было бы направлено на недостижение их цели, а для уголовного дела, вероятно, не имелось бы объективных знаний о реальном характере осуществляемой деятельности и о характере конкретных мероприятий, контактов и так далее.

Секретный способ использования этих средств, а также сущность деятельности, которая с индивидуальными средствами соединяется, повлечёт за собой то, что констатируется интенсивное столкновение этих институтов с основными правами заинтересованных лиц. Не только самостоятельная деятельность, которая составляет их суть, метод отчетности исполнения, но и невежество тех заинтересованных лиц об их использовании, и, следовательно, отсутствие их согласия для этой цели привели к интенсивному столкновению с правом на частную жизнь, на защиту жилища, личными правами заинтересованных лиц, правом на защиту тайны переписки и тайны связи. Для того чтобы в личные права заинтересованных лиц вмешиваться иным законным образом, нужно, как правило, добиться согласия заинтересованных лиц. Исключая возможности записывания исполнения государственных функций или даже возможности использования института гражданско-правовой самопомощи, у частных лиц ни государственных органов нет разрешения (без соблюдения правовых условий) затрагивать права и законные интересы других лиц. Первым вариантом судебного иска является согласие заинтересованного лица, а второй вариант заключается в выполнении строгих условий, установленных законом. В плоскости процесса – это просто положения Уголовного процессуального кодекса, содержащего условия и правила для использования информационно-технических

средств. После их завершения можно констатировать, что использование конкретного информационно-технического средства само по себе является юридическим, а также имеет правовой характер вмешательства в основные права человека и свободы заинтересованных лиц.

Это кое-что раскрывает о характере информационно-технических средств в уголовном процессе и о интенсивности, с которой компетентные органы, осуществляющие записи конкретных действий, затрагивают права заинтересованных лиц. Мероприятия могут рассматриваться как юридические, если соответствуют условиям и требованиям, которые связывают возможности использования информационно-технических средств положений Уголовного процессуального кодекса. Более или менее последовательно в положениях Уголовно-процессуального кодекса регулируются условия их использования с учётом характера и особенных признаков этих средств. Эти условия должны исключать произвольное и любое использование информационно-технических средств в уголовном процессе, и одновременно их использование оговаривается для самых серьезных преступных действий, имеющих характер преступлений. Создание системы гарантий означает, что институтами не будут злоупотреблять, и в гарантированные права будут вмешиваться только там, где это необходимо. В систему гарантии защиты прав субъектов заинтересованных лиц можно включить тот факт, что положения Уголовного процессуального кодекса рассматривают такие вопросы: а) определение преступлений, в связи с уголовным преследованием, для которого можно использовать конкретные информационно-технические средства; б) часть и стадии уголовного процесса, в котором можно использовать данные средства; в) субъект, который принимает решение об использовании средств; г) тип и форма решения об использовании средств; д) определение периода, в течении которого конкретным средством можно пользоваться; варианты достижения продолжения срока его действия; е) путь, которым конкретные средства выполняются; ж) возможности использования полученных информации в качестве доказательства в уголовном процессе; з) обработка полученных информации в ходе уголовного судопроизводства; и) обязанность информировать заинтересованные лица; й) возможность вносить обжалование.

При этих условиях следует стремиться к незлоупотреблению информационно-технических средств, а таким образом и к их использованию только в оправданных случаях. Лимитируется возможность использования информации, полученной таким образом, для строгой оценки законности использования конкретных средств, что можно в любом случае оценить положительно. Тот факт, что положения Уголовного процессуального кодекса, касающиеся конкретных информационно-технических средств, часто непоследовательны, формулярно, теоретически и практически проблематичны, является фундаментальным недостатком Словацкой процессной

корректировки, возможностей их использования, а также возможностей законного вмешательства в гарантированные права. На эти недостатки указываю в представленной диссертации.

Гарантии защиты прав в международной перспективе

С точки зрения международной практики можно сделать вывод, что информационно-технические ресурсы выбираются в зависимости от конфликта с правами, упомянутыми в ст. 8 абз. 1 в Конвенции о защите прав человека. Это, в основном, право на частную жизнь, защиту семейной жизни, защиту секретности коммуникаций, которые закрепляют положение, о котором идёт речь. С одной стороны, эти права гарантированы, с другой, они не считаются абсолютными, поскольку прямо в абз. 2 формируются условия и возможности вмешательства в них (Чентеш в этом контексте говорит о легитимности вмешательства в гарантированные права) [2, с. 56]. Государственные органы, таким образом, имеют возможность законно вмешиваться в эти права, но только после выполнения условий, которые упомянуты в этом положении [3, с. 2]. Речь идёт не о формулировке абсолютных прав [4, с. 82]. Одним из главных условий является выполнение требований в соответствии со законом. Государства, следовательно, сами должны в свой законный приказ модифицировать варианты использования этих средств, и насколько это возможно, достаточно конкретно, однозначно и последовательно. Кроме соответствия с законом (в смысле внутригосударственной адаптации различных государств), обязательно, чтобы такие мероприятия были в условиях демократических государств непосредственно для обеспечения безопасности, достижения экономического благополучия, в целях предотвращения беспорядков, предупреждения преступности (преступления), в целях защиты здоровья, нравственности или других основных прав человека преступности (преступления), в целях защиты здоровья, нравственности или других основных прав человека.

Одним из наиболее интенсивно нарушаемых прав, несомненно, является право на неприкосновенность частной жизни, так как это гарантирует ст. 8 абз. 1 Конвенции. Интерпретация этой статьи и конкретные дела рассматриваются в ЕСПЧ, который изначально не допускал вмешательства органов государства в право на неприкосновенность частной жизни лиц, а постепенно от этого мнения отошёл. Это произошло под влиянием серьёзного преступления, особенно в связи с быстро развивающейся в Европе организованной преступностью. Он признал, что, в конечном счёте, на право на частную и на семейную жизнь лиц разрешено посягать, но только после выполнения условий, изложенных в законе, который в этом государстве допускает использование наступательных средств вмешательства в эти права ради достижения чётко определенных целей (ст. 8 абз. 1 Конвенции). Органы государства, в первую очередь, должны стремиться в своей деятельности к защите основных прав и свобод человека и, следовательно, защите права на неприкосновенность личной и семейной жизни

отдельных лиц. Власть в государстве сама по себе должна быть ограничена законом [5, с. 48]. В частную жизнь отдельных лиц государственные органы не должны вмешиваться больше, чем это необходимо для достижения законных и юридически определенных целей и после реализации других правовых условий, к которым такие вмешательства в правовом и демократическом государстве должны привязать.

Соответствие условиям, установленным для вмешательства в права, гарантированные в ст. 8 Конвенции, Европейский суд по правам человека рассматривает очень строго. Необходимость чёткого выполнения условий, указанных в абз. 2 настоящей статьи, показывает в ряде своих решений. Под влиянием бурно развивающейся в Европе преступности он разрешает определенное вмешательство в права, гарантированные Конвенцией, но в то же время ЕСПЧ заявил, что средства секретного наблюдения не могут быть инструментами правового и демократического государства. Такие средства имеют характер инструментов, используемых полицейскими государствами, поэтому, если ими должны пользоваться правовые и демократические государства, нужно иметь на то уважительную причину. Помимо строгого законодательного регулирования, необходимо, чтобы их использование управлялось принципом необходимости – их следует использовать только в тех случаях, когда это на самом деле необходимо. Тот факт, что их использование является необходимым и важным, нельзя путать с теми случаями, когда их применение является приемлемым или возможным, а в случае необходимости – полезным или желательным. Государства, которые во своём законодательстве допускают использование средств тайного наблюдения, должны одновременно, последовательно разработать на уровне закона условия их использования таким образом, чтобы создать набор правил, представляющих гарантии защиты основных прав человека, которые их использованием нарушились. Характер таких гарантий, конечно, спорный и сильно зависит от правоохранительных органов в конкретных странах. В своих решениях Европейский суд по правам человека выразил требование к существованию системы гарантий системы критерии, которые должны быть учтены при использовании любых наступательных средств, затрагивающих гарантированные права, а именно:

- возможности использования таких институтов в уголовном судопроизводстве;
- контекст времени использования таких средств;
- процесс предложения – разрешения – продления разрешения;
- круг лиц уполномочены принимать решения об использовании этих средств;
- возможность осуществления контроля и субъекты контроля их использование;
- возможность введения обжалования.

Как мы уже упоминали, ЕСПЧ при оценке выполнения таких требований был очень строгим и весь ряд правовых корректировок не был достаточным для выполнения условий, которые сформулиро-

ваны в п. 8 (2) Конвенции. Например, эти условия не выполнила немецкая уголовная корректировка, как отметил ЕСПЧ в решениях «Класс против Германии». Также корректировка британцев не была, по мнению Европейского суда по правам человека, достаточной для того, чтобы выполнить условия в соответствии с законодательством и прочие условия, необходимые по абз. 2. По мнению суда, была британская корректировка была расплывчатой, мало точной и поэтому не могла удовлетворить требования в соответствии с законом. Если у органов государства должно быть свободное рассуждение, оно не может быть безграничным или же должно быть ограничено какими-нибудь рамками. Эти видит ЕСПЧ в обеспечении защиты основных прав человека и свобод личности отдельных лиц. Затем должны в правовой корректировке существовать требования по защите прав и свобод, возможность достичь этой защиты от злоупотребления государственной властью и, таким образом, от несанкционированного вмешательства в гарантированные права. Эти факты, подчеркивает ЕСПЧ и в других своих решениях, например в решении «Копп против Швейцарии».

В связи с использованием этих средств и нарушением права на неприкосновенность частной жизни и права семейной жизни, надо иметь в виду реализации принципов законности, обоснованности и соразмерности [6, с. 83]. Правомности вмешательства государства в права на неприкосновенность частной жизни (и права на семейную жизнь) означает, что государство имеет право ограничивать только на основании закона. Это требование напрямую вытекает из ст. 8 (2) Конвенции. Термин «закон», который Конвенция использовала, органы Страсбурга толкуют относительно широко и принципиально не с формальной точки зрения, а с материальной. Не важно ни указание законодательства, ни то, какой орган права выдал. В так называемых делегированных полномочиях (парламент передал полномочия принимать общеобязательную норму) не проверяют основания, по которым парламент постановил, что правовую корректировку выполнил незаконодательный орган. Орган, которому парламент передаст законодательные полномочия, может быть не только органом исполнительной власти, а также органом профессионального самоуправления. Правовой стандарт, выданный таким органом, Европейский суд считал «законом», например как в случае Бартольд [7, с. 64].

Испытание на правомерность вмешательства в затронутые права включает рассуждение о том, являются ли такие меры или приказы, на основании которых органы государственной власти нарушают право на неприкосновенность личной и семейной жизни, соответствующими требованиям и задачам, которые сформулированы в с. 8 (2) Конвенции. Этом раздел формулирует конкретную цель, на достижение которой должны быть направлены вмешательства в затронутые права, что в случае законности, а также после удовлетворения критерия пропорциональности может быть приемлемым [8, с. 44].

Требование о пропорциональности вмешательства проявляется в поиске и соблюдении определенного баланса между правами, которые доступны и возможностью выбора конкретных видов средств, ведущих к реализации отчетной (легитимной) цели. Само вмешательство должно быть необходимым (т. е. если поставленная цель не может быть достигнута другим способом, с использованием более мягкого средства), и его реализация должна соответствовать насущной потребности общества – достижению отчетной цели в контексте сущности права, которое должно быть для этих целей ограничено. Таким образом, необходимо изучать выполнение теста пропорциональности, или же то, если такое вмешательство пройдет испытанием тестом пропорциональности ввиду последствия – вмешательства в гарантированные права. По мнению профессора Холландеора, принцип пропорциональности является «общим тестом конфликта основных прав или общественных благ, а следовательно, и столкновения общественных благ и прав и основных прав коллизирующих с правом на неприкосновенность частной жизни» [9, с. 46]. В рассмотрение вопроса о приемлемости вмешательства государственной власти и органов государства в частную сферу личности, с точки зрения соразмерности, включили оценку [10, с. 59]:

- способности (пригодности);
- необходимости;
- адекватности (в узком смысле);
- минимализации ограничения основных прав.

Гарантии защиты затронутых прав с точки зрения внутрисударственных интересов

С точки зрения правового и демократического государства, могут существовать такие стандарты, которые позволяют использовать средства секретного наблюдения в отношении отдельных лиц. В дополнение к системе гарантий незлоупотребления этими документами [11, с. 30], а также гарантий защиты прав заинтересованных лиц должны существовать очень строгие и разработанные условия их использования, содержащиеся в законе. Как уже было указано выше, это требование интерпретируется по-разному. В любом случае, следует помнить также о конституционных основах государства, что позволит использовать такие документы и требования, которые накладываются на их правовой режим. С конституционной точки зрения, можно отметить несколько статей, касающихся прав, затронутых информационно-техническими средствами. Из соответствующих статей Конституции Словацкой Республики (Закон № 460/1992, с поправками, внесенными более поздними конституционными законами) надо отметить следующие:

1) ст. 16 абз. 1 Конституции Словацкой Республики, которая гарантирует право на неприкосновенность личности и право на неприкосновенность частной жизни; с возможностью их ограничения в случаях, установленных «законом»;

2) ст. 19 абз. 2–3 Конституции СР, в которых закреплено право на охрану частной и семейной жизни от незаконного вмешательства в эти права;

право на защиту персональных данных от несанкционированного извлечения, сбора;

3) ст. 20 Конституции гарантирует защиту собственности и позволяет вносить изменения в случаях, которые могут быть расценены как экспроприация в пределах, установленных законом, и в случаях, когда имущество состоит из незаконно приобретенных активов, полученных от незаконного дохода, или если дело доходит до таких мер, которые в условиях демократического общества необходимы для обеспечения безопасности государства, в целях защиты общественного порядка, нравственности и прав и свобод других лиц при соблюдении условий, которые обеспечивает «закон»;

4) ст. 21 Конституции Словацкой Республики, которая гарантирует неприкосновенность жилища и вмешательство позволяет лишь в рамках четко определенных условий и для целей достижения поставленных целей,

д) ст. 22 Конституции гарантирует тайну переписки, сообщений и других документов, а также обеспечивает защиту персональных данных; позволяет некое вмешательство в эти права, но и они должны быть основаны на правовых возможностях таких вмешательств.

Как видно в этом обзоре, Конституция Словацкой Республики гарантирует основные права человека в той степени, которую определяет в своих положениях и Конвенция. В принципе, это не что иное, как перевод этих прав в нашу конституционную основу. В большинстве случаев, в связи с возможным вмешательством в гарантированные права, указано, что вмешательство возможно, если это предусмотрено законом и с учетом условий, установленных законом. Релевантными положениями можно считать и положения Уголовного процессуального кодекса по использованию информационно-технических средств. Это институты, используемые в целях защиты основных прав и свобод человека, в целях предотвращения преступлений, обеспечения безопасности. В наших условиях их использование направлено на достижение цели, как это сформулировано в ст. 8 (2) Конвенции. Условия использования информационно-технических средств, изложенные в положениях Уголовного процессуального кодекса, конкретизируют конституционные требования «законности» вмешательства в основные права человека и, в то же время, запрос «соответствия с законом» и направление к поставленной цели, которые Конвенция устанавливает как базу законного вмешательства в гарантированные права. Вмешательство в гарантированные права с применением информационно-технических средств осуществляется в соответствии с различными принятыми принципами:

- вмешательства проводятся с использованием техники, сконструированной специально для этих целей;

- возможности вмешательства поддаются оценке в установленном законом режиме разрешения или одобрения и точно назначенными субъектами;

- вмешательства реализуются секретным путём;
- регистрация, обработка и использование полученных в результате этих вмешательств данных осуществляются в соответствии с подробным правовым режимом.

В дополнение к этой законной основе для использования информационно-технических средств, которые являются положения Уголовного процессуального кодекса, необходимо отметить возможности применения этих документов. Они используются в рамках уголовного дела и на основании положений Уголовного процессуального кодекса, что является процессуальной плоскостью их использования, но в то же время вполне возможно использовать их и за пределами уголовного судопроизводства. Непроцессуальная плоскость – это их использование на основе ряда конкретных подзаконных актов, позволяющих применять их независимо от преследования (соответственно, прежде, чем они начнут какие-либо процессуальные/уголовно-процессуальные действия и расследования). Обычно непроцессуальная плоскость поступает в процессуальную, так как в непроцедурном использовании обычно обнаруживаются некоторые доказательства, которые обосновывают возбуждение уголовного преследования по данному вопросу или даже позволяют предъявить обвинение конкретному лицу. Однако не исключено, что эти линии их использования могут существовать одновременно. Если информационно-технические средства используются в плоскости непроцессуальной, это происходит, например, на основании Закона о защите от перехвата, Закона о защите персональных данных. Первоначально это была корректировка положений Закона о полиции, позднее положения об использовании средств исключили в указанную особую корректировку. В соответствии с Законом об организации общественных спортивных мероприятий, также возможно использование информационно-технических средств, и они могут быть использованы в соответствии с законодательством гвардейского корпуса (следовательно, положения Закона Депо тюремного населения, Закона о военной полиции или даже Закона о Службе разведки Словакии.)

Если использовать информационно-технических средств вне рамок уголовного дела, знания, полученные таким образом, также имеют характер доказательств. То есть если использованием этих средств в непроцессуальной линии можно найти факты, которые бы были значимы для уголовного дела, ими в этом уголовном деле можно пользоваться в качестве доказательств. Это касается и возможности их использования в отношении проступка или аналогичных дел в форме доказательства.

Выводы. Обнаружение и доказывание серьезных преступлений требует использования современных и наступательных средств для того, чтобы сделать этот процесс эффективным и действенным. Софистический способ совершения преступления и её последующее засекречивание прямо оправдывают использование современных сообщающих мер реализации метода с целью выявления преступления,

доказательства в уголовном процессе, с целью установления и осуждения преступников. Помимо этой необходимости, ради защиты основных прав и свобод человека на международном уровне существуют гарантии, которые должны надлежащим образом проектироваться во внутригосударственные корректировки, которые позволяют использовать средства тайного наблюдения физических лиц. Гарантии защиты соответствующих прав человека посвящены не только транснациональные документы, а также обширное прецедентное право ЕСПЧ. Из них можно

всесторонне черпать принципы и правила, в соответствии с которыми необходимо разработать проект национального регулирования использования этих средств. В соответствии с этим, можно увидеть, каким гарантиям защиты прав должна соответствовать внутренняя корректировка. Именно эта корректировка представляет собой комплекс гарантий защиты нарушенных прав, которые должны быть соответствующим образом отражены в национальном законодательстве, что позволяет использовать такие средства в уголовном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Ivor, J. a kol: Trestné právo procesné. – Druhé, doplnené a prepracované vydanie. – Bratislava: IURA EDITION, 2010.
2. Čentéš, J. Zásahy do práva na súkromie z pohľadu judikatúry EŠLP. In Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie „Juridizácia ľudských práv v judikatúre EŠLP. – Bratislava: FP PEVŠ, 2015.
3. Tóthová, M. Odpočúvanie a záznam telekomunikačnej prevádzky a jeho využitie na účely odhaľovania korupcie. In Zborník príspevkov z medzinárodnej konferencie COFOLA. – Brno: PF MU v Brne, 2011.
4. Schorm, V.A. Několik poznámek k omezení základních práv a slobod zaručených Evropskou úmluvou o lidských právech z důvodu bezpečnosti. Právní aspekty situace po 11. září 2001. – Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2002.
5. Čentéš, J. Legalita, legitimita a proporcionalita odpočúvania a zaznamenávania telekomunikačnej prevádzky. In Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie „Aktuálne otázky trestného zákonodarstva“. – Bratislava: FP PEVŠ, 2012.
6. Čentéš, J., Lazareva, N. Legalita, legitimita a proporcionalita odpočúvani a zaznamenávania telekomunikačnej prevádzky. In Zborník príspevkov z celoštátnej konferencie s medzinárodnou účasťou „Aktuálne otázky trestného zákonodarstva“. – Bratislava: FP PEVŠ, 2012.
7. Kováč, J., Svák, J. Právo na súkromie a ochrana osobných údajov vo verejných registroch mimovládnych neziskových organizácií // Visegrad Journal on Human Rigts. – 2/2014.
8. Čentéš, J. Odpočúvanie – procesnoprávne a hmotnoprávne aspekty. – Bratislava: C.H. Beck, 2013.
9. Holländer, P. Zásada proporcionality: jednosměrná ulice, nebo hermeneutický kruh? Na příkladech veřejných dober a základních práv kolidujících s právem na soukromí. In: Šimíček, V.: Právo na soukromí. – Brno: Masarykova univerzita, 2011.
10. Čentéš, J. Zásahy do práva na súkromie z pohľadu judikatúry EŠLP. In Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie „Juridizácia ľudských práv v judikatúre EŠLP. – Bratislava: FP PEVŠ, 2015.
11. Ivor, J. Odpočúvanie ako legálny zásah do práva na súkromie. In Zborník príspevkov z vedeckej konferencie s medzinárodnou účasťou „Aktuálny stav a perspektívy ochrany ľudských práv a slobôd“. – Bratislava: APZ v Bratislave, 2001.
11. Čentéš, J. Zásahy do práva na súkromie z pohľadu judikatúry EŠLP. In Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie „Juridizácia ľudských práv v judikatúre EŠLP. – Bratislava: FP PEVŠ, 2015.
12. Ivor, J. Monitorovanie osôb ako dôkazný prostriedok v trestnom konaní // In Karlovarská právni revue. – 4/2007.